

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММЕНТАРИЕВ

(Речь исполнительницы фольклора Е. И. Колесниковой)

ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕНКО

Вильнюсский педагогический университет

Обострившийся интерес к проблеме языковой личности и индивидуальному дискурсу все чаще исследователей приводит к вопросу о недостаточной разработанности понятий «язык пословичного фонда» и «комментарии к паремиям» (С. Е. Никитина¹, М. В. Китайгородская², Л. Б. Савенкова³, Г. Ф. Благова⁴ и др.).

Несмотря на то, что важность комментариев очевидна и не вызывает сомнения, подобного паремнологического материала до сих пор остается недостаточно. В этой связи особый интерес представляет сборник «Русские пословицы Литвы»⁵, включающий в себя не только 2950 текстов, но и примерно 663 комментария Елизаветы Ивановны Колесниковой (далее – Е.И.) (которые в сборнике выделены круглыми скобками), и около 310 пояснений проф. Ю. А. Новикова (это объяснения как к самим паремиям, так и к комментариям Е.И.; в сборнике выделены квадратными скобками). Около 23 процентов паремий сборника сопровождаются контекстом, созданным Е.И.

Родилась Е.И. в 1917 году в деревне Салакас Зарасайского района, где и провела практически всю свою жизнь. Это местечко постоянно отличалось большим разнообразием национального состава: литовцы, русские (православные и старообрядцы), поляки, татары, цыгане, евреи.

Объектом данного исследования стали комментарии Е.И. (как представителя старообрядчества Литвы, непрофессионального исполнителя и собирателя фольклора, уникальной языковой личности).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть наиболее типичные особенности комментариев к паремиям, зафиксированным в сборнике «Русские пословицы Литвы». Структура статьи делится на две части: 1) наблюдения в области художественной специфики комментариев, их структуры, формы и функций; 2) рассмотрение лингвистических особенностей речи Е.И.

Метод исследования – описательно-сравнительный.

Статья Т. С. Гавриловой⁶ и введение к сборнику «Русские пословицы Литвы», написанное Ю. А. Новиковым и Т. С. Шадринной (Гавриловой), являются основными исследованиями пословичного фонда Е.И. При этом в работе Т. С. Гавриловой тексты, окружающие паремии, как правило, определяются как контексты. Мы также придерживаемся данной точки зрения, т. к. пояснения Е.И. к паремиям, по своему содержанию много шире исторического или семантического комментария (хотя,

безусловно, четкой границы между комментарием и контекстом провести практически невозможно, поэтому они и функционируют чаще всего как синонимы). Именно поэтому данное собрание пословиц настолько точно передает неповторимый колорит родного края, отражает своеобразные черты материальной и духовной культуры старообрядцев, их традиции, приметы, обычаи, поверья и т. д.

Комментарии для сборника собирались и обрабатывались специально в течение длительного периода времени проф. Ю. А. Новиковым. Дополнительно нами были рассмотрены оригиналы других записей, черновики, тетради, где также есть комментарии Е.И., но в несколько иной форме – сжатой (как правило, это одно слово, реже – предложение, еще реже – развернутый текст).

1.

Комментарии сборника достаточно многофункциональны. Это пояснения формы слова («Песни радуты, а дети разуты» (№ 1281) Е.И.: «*Радуты*» – *радуют*); пояснения диалектных и иноязычных слов – эта часть комментариев, на наш взгляд, является наиболее значимой («Урожай Бог даст – и жebraк станет князь» (№ 717) Е.И.: «*Жebraк*» – *нищий*; «Бедула – а как пришлось, и все нашлось» (№ 670) Е.И.: «*Бедула*» – *бедняк, несчастный; с польского. И литовцы так говорят*; «С вира, с болота пришли, а им все свои» (№ 411) Е.И.: «*Вир*» – *болото такое закорченное, что туда никто и не ходит*); при этом возможны в качестве комментариев переводы («Робил, робил, пока попсул; правил, правил – и выжутил» (№ 1236) Е.И.: *Делал, делал, пока испортил; а потом правил, правил – и выжутил, выбросил*; «Фор вос мы страдаем – фор цвай лит!» (№ 1150) Е.И.: *За что мы страдаем – за два лита!*).

Пояснения семантики всего выражения возможно несколькими способами: 1) одним словом: «В кармане-то вошь пасется» (№ 651) Е.И.: *Пусто*; 2) словосочетанием или предложением: «Как шпаки – однодверцы, однодырцы» (№ 697) Е.И.: *Это бедные уже*; «В головы запасы есть» (№ 1303) Е.И.: *Хитрый очень*; 3) текстом: «Солнце за лес – серп на плечи» (№ 1155) Е.И.: *Раньше допоздна работали, солнце за лес – еще можно десять снопов связать. А хозяин нанимает жнею, она говорит: «У меня корова, хозяйство... Солнце за лес – серп на плечи», то есть рабочий день только до того, как солнце закатится. Или ребятам [детям] говорю, чтоб на ужин были все, как строй: «Солнце за лес – серп на плечи!»*. Часто в виде комментария даются один или несколько вариантов семантически близких пословиц: «Земля, трава вечно права» (№ 1471) Е.И.: *Еще так говорят: «Молчит, как земля». Земля, как [поскольку, потому что] она молчит, нигде не вмешивается, так всегда права. Это похоже на то, что будь ниже травы, тише воды*. Обычно такие комментарии сопровождаются словами: *Или, Говорят еще, Вариант, У нас еще говорят* и т. п.; нередко комментарии не столько объясняют саму паремию, сколько определяют ее жанр, место локализации и т. д., т. е. предоставляют дополнительную информацию: «Дела хуже, чем у губернатора» (№ 1320) Е.И.: *Это мои дядюшки обои говорили*; «Антроп – ногой троп! Другой [ногой] прижмет – вода текет»

(№ 2728) Е.И.: *Байка*; «За свой рубль везде отдых» (№ 638) Е.И.: *В Паланге слыхала*. К некоторым паремиям достаточно комментария-намёка: «Сидит, как кошка в лукошке» (№ 839) Е.И.: *Удобно*.

Несмотря на то, что Е.И. не получила специального образования (она закончила только три класса литовской школы и самостоятельно научилась писать и читать по-русски), без ее комментариев некоторые паремии непонятны даже профессиональным филологам, т.е. можно утверждать, что вне данного контекста они остаются «вещью в себе»: «Купил за пять пальцев, за пять взглядов» (№ 2321) Е.И.: *Это уже утащил, уворовал*; «Сметана в коровы на хвост сметана» (№ 1930) Е.И.: *Тогда, когда она тельная и нескоро будет молочко. Може, там есть сколько сметаны, ее протянут подольше. А кто попросил сметаны, хозяйка так и ответит...*

Комментарии Е.И. различны как по форме, так и по объему. В текстах, представляющих собой самостоятельное произведение, и достигающих объема в 1,5 листа, повествование может либо непосредственно касаться самой паремии, либо ассоциативно связываться с ней: «Попал к воронам – и кричи, как они» (№ 529) Е.И.: *Я вчера вспомнила. Горбачев [за границу] поехал. «Попал в вороны – и закаркаешь, как воны»: «Господин да господин», «товарищи» только потом встретились...* – здесь можно выделить три основные части, характерные для повествовательного текста. Иногда в таких рассказах-комментариях проводятся даже аналогии с сегодняшним днем, т.е. дается исторический анализ ситуации: «На ораву гречной каши полущашки» (№ 2546) Е.И.: *Не обязательно семье, может быть, рабочим, поденичкам – рожь жнут – приносят обед. И раньше ели с одной чашки. Сегодня мы, четыре жнеи, жали рожь и получили «на ораву гречной каши полущашки». И на завтра не идем, пойдем к другому хозяину*. Таким образом, комментарии становятся своего рода «учебниками истории», т.е. предоставляют возможность познакомиться с отношением к тем или иным событиям, предметам и т.д., а иногда и с изменениями в области их восприятия.

Комментарии могут соотноситься с фактами личной жизни, событиями, происходящими в непосредственной близости («Леник родился в 39-м году, а потом одын за одным пошли, быдто я знала, что вдовой останусь – целый кадрилль зажила» [«Кадрилль» – народный танец с большим количеством участников] (№ 2534); «Уж тут, браток, как нога в сапог» (№ 836) Е.И.: *Допустим, зять к нам пришел – как нога в сапог, квартира есть, все есть, на все готовое*), а так же быть абстрактно-отвлеченными («В добрые не вошел, только на тот свет скорей пошел» (№ 1887) Е.И.: *Старался кому-то сделать хорошо, трудился, работал, но в добрые не вошел*).

Иногда контекст можно обозначить как самостоятельное фольклорное произведение, например, анекдот или сказку: «Пяда [пядь] земли и угол избы» (№ 716) Е.И.: *Богатырь такой, богатый – не в своей избы живет. Муж жену обнимает, она говорит: «Ты не забывай, что я – дочь князя!» «А черт тебя нес за бедного!»; «Доченька Феклуша, сходи в жорны, помели... Ай, ладно, я сама...» (№ 1016) Е.И.: *Не имели люди детей. Взяли, сделали болвана деревянного, закутали, нарядили, поставили на окошко, назвали Феклушей – им**

все веселей. Вот она и говорит: – Феклуша, принеси воды! Ай, ладно, я сама... А у других Феклушеньки не знают, на чем хлеб растет.

Некоторые объяснения к паремиям носят исключительно контекстуальный или ситуативный характер: «Вот тут-то кстати сказать и сватье!» (№ 198) Е.И.: *Говорят на свадьбе*; «На батькино не начитай [не надейся], свое заживай» (№ 199) Е.И.: *Говорили на свадьбе, когда наделяли молодых деньгами*; «Бей по рукам, голова в голову» (№ 752) Е.И.: *Скот когда покупали или меняли*.

Часто комментарии способствуют выявлению полисемии паремий и показывают возможность их употребления в различных ситуациях: «Куда денешься – набрякло дело» (№ 194) Е.И.: *Когда человек не соглашался и согласился. Или затяжелеет дочь, что и не думали за кого отдать, а приходится отдавать. Это и к другим видам клонит*; «В аренду взял или своя?» (№ 150) Е.И.: *Встретили его, идет с ним женщина невиданная. «В аренду взял или своя?» Или к вещи касается*.

Интересны и те неожиданные ассоциативные цепочки, которые возникают в текстах комментариев: «Ходит, как статула, будто аршин проглотил» (№ 1436) Е.И.: «*Статула*» – *ни в одну сторону не взглянет и не пошевелится, как мертвец. Это – памятник или скульптура. Раньше литовцы делали деревянного Езуска [Иисуса] на кладбищах; она же недвижима, не сдвинется с места. Так и люди бывают*.

2.

Одной из основных черт, характеризующих речь Е.И., является высокая художественность – обилие тропов (сравнений, метафор, эпитетов и т. д.), богатая система образов, стилистическая и эмоциональная окрашенность. Особая синтаксическая организация приближает комментарии Е.И. к жанру сказа: «Поклон тебе с красным подручником!» (№ 1564) Е.И.: *Как высмешка какая. Кто-нибудь себя представляет баринком, не пришел [в гости], побрезговал. «А, Иван Иванович, сейчас тебе особое приглашение – с красным подручником придут приглашать...» А «подручник» – это для молитвы такая подушечка; кланяются, чтоб не на пол руками класть. С подручником кланяться – это уже как перед иконами. А красный подручник – это особый*.

При рассмотрении ряда текстов комментариев к паремиям у нас сложилось определенное представление о структуре языка конкретной языковой личности – о его единицах и системных связях, закономерностях в его устройстве и функционировании. Характеризуя конкретную языковую личность, эти тексты в какой-то мере характеризуют и язык определенного коллектива, способствуя созданию национального культурного портрета.

С лингвистической точки зрения комментарии представляют собой такой же многоязычный и разнотилевой текст, как и сами паремии. Рассматривая комментарии как факты разговорного современного русского языка представителя старообрядцев Литвы, мы имеем возможность еще раз обратить внимание как на диалектные, так и на региональные особенности.

Речь Е.И. отличается редкой, а может быть и уникальной особенностью – хорошо сохранившиеся элементы псковского диалекта органично сочетаются с местным говором. В основе данной узуально нормативной системы лежит просторечие – как некая разновидность национального языка⁷. Анализируя просторечие и диалект в живой языковой стихии, мы не будем проводить границы между ними, а представим наиболее яркие специфические черты речи Е.И. на различных уровнях.

Фонетические особенности

Для речи Е.И. характерен перенос ударения практически во всех частях речи (чаще всего в именах существительных): *вытаращи́ла гла́зы, небо на голову́ упало, я в их бы́ла, красавица невидáнная, должно́н терпеть* – это характерно как для псковского говора, так может быть связано и с польским языком (где ударение фиксированное – на предпоследнем слоге); интересны случаи необычной фонетической записи: *just* [ест], *juц* [яиц] – стяжение в исконно русских словах по происхождению, где имеются случаи скопления гласных не на морфемных стыках; белорусским влиянием, видимо, объясняется произношение взрывного согласного *к* как *х*: *хто*; протетические звуки *в*, *и*: *вострый, осень, вкрасть, шиол* – широко распространены в русских говорах псковской группы, в говорах смоленской области, в белорусском языке. Наконец, большое количество слов имеет полное или частичное белорусское фонетическое оформление: *одын за одним, быдто, тры*.

Морфологические особенности

Для речи Е.И. характерно употребление флексии *-ы* в формах дат. и предл. п. сущ. ж. р., обычно в конструкциях с предлогом: *муж говорит о жены, подкатил на козы, если по пары – значит выйдет замуж* – что характерно для многих северновеликорусских и южновеликорусских говоров; частотна флексия *-у* в формах предл. п. сущ. 2-го склонения: *ждали на жеребцу*; распространена флексия *-ов* вместо *-о* в форме сущ. мн. ч. род. п.: *семь чертов водили*; флексия *-ы* вместо *-у* в форме сущ. ж. р. ед. ч. вин. п.: *уезжали работы искать, ложишь ключи под головы* – все эти особенности характерны для псковского говора, который в свою очередь является переходным от средневеликорусских к белорусскому языку. Неполное согласование в роде: *большой собака, хороший чучело* – чаще всего связывается с влиянием литовского или белорусского языков, а также просторечия, где эти существительные мужского рода.

Частотны возвратные формы глагола на *-ся*: *это они уже влюбились, вернулася она*.

Наличие форм сравнительной степени прилагательных и наречий на *-оже*, *-оше*: *доложе, толоше*. Распространены неопределенные формы глагола на *-ть* (это характерно для смоленских и многих южновеликорусских говоров): *несть, идтить; -ти: ести*.

Употребляются деепричастия на *-ши, -вши, -миши, -дши, -тиши* в роли сказуемого (как в тверских, архангельских, вологодских, ленинградских и рязанских говорах): *посидевши, покушавши*; иногда с постфиксом *-сь*: *одевшись, не молившись*.

Лексические особенности

Словарь Е.И. представляет собой сложное соединение диалектов (сочетание польско-белорусской «местной мовы» и псковского диалекта), церковнославянского языка (из поучений отцов церкви), просторечия и литовского языка. Утверждая, что словарь исполнительницы разнообразен и богат, необходимо также отметить, что ее представления о норме весьма стихийны: *так у нас скажут, а так нет; так будет по-нашему, а так не по-нашему; это, наверное, с польского* [например] *идет*.

Лексемы, которые будут приведены ниже и распределены по тематическим группам, зарегистрированы с пометами: *юж. зап., пск., смол., арх., нвг.* и т. п. в «Словаре русских народных говоров»⁸, в «Толковом словаре живого великорусского языка»⁹ и в «Псковском областном словаре с историческими данными»¹⁰:

а) названия предметов домашнего обихода и другие слова, так или иначе связанные с бытом: *пура* [четыре пуда], *сечек* [лукошко], *мост* [пол], *шум* [сор]; б) названия блюд: *глазуха* [особо приготовленная каша], *пансак* [перловка], *заволожить* [забелить молоком], *цацывка* [похлебка из вики], *хряпа* [листья капусты]; в) названия предметов одежды, обуви: *деревяшки, меделы* – деревянная обувь; г) названия человека по тем или иным признакам: *мохляр, перекул, белохвостик* – обманщик, непостоянный в своих словах и действиях человек; *сынова* [невестка]; д) другая частотная лексика: *нонеча* [сегодня], *покамест* [в течение некоторого времени, до тех пор как], *вбросить* [бросить в], *земледельный* [имеющий землю] и т. д.

Заимствованиями из польского или белорусского языков (различной степени давности, но, как правило, касающиеся сфер повседневного быта) можно считать следующие лексемы, характерные для речи Е.И.:

а) существительные: *жебрак* [польск. *żebrak*, бел. жабрак – нищий], *швагер* [польск. *szwagier* – деверь], *бульве* [лит. *bulvės* – картофель], *бульба* [бел. бульба – картофель], *радина* [польск. *rodzina* – семья], *шабуш* [евр. суббота]; б) глаголы: *меть* [польск. *mieć*, бел. мець – иметь], *зробить* [польск. *zrobić*, бел. зрабіць – сделать], *бедовать* [польск. *biedować* – переживать]; в) прилагательные: *наилепший* [польск. *najlepszy*, бел. найлепшы – самый лучший], *остатний* [польск. *ostatni* – последний]; г) наречия, предлоги, союзы, местоимения и т. д.: *забольшой, замного* [польск. *za dużo*, бел. задужа – формы на *за-* характерны для некоторых литературных славянских языков, а также широко распространены в русском просторечии], *абы* [польск. *aby* – лишь бы], *кала* [польск. *koło* – около], *нема* [польск. *nie ma*, бел. няма – нет], *во* [бел. *во* –

вот], *чи* [польск. *czy* – или]. Некоторые из приведенных заимствований могут быть соотнесены с лексемами литовского или еврейского (идиш) языков, но, по-видимому, и в этих случаях заимствования пришли в говор русских старообрядцев Литвы через языки соседних славянских народов¹¹.

Выводы

При всей многофункциональности (пояснение семантики паремиологического текста, предоставление варианта паремии, комментарии-намеки, подача дополнительной информации) и разнообразии видов (от одного слова до целого самостоятельного произведения, иногда даже в жанре традиционного фольклорного текста; контекстуального и отвлеченного характера; связанные с фактами личной жизни и абстрактные) комментарии данного сборника носят в основном пояснительный характер и необходимы для объяснения диалектных и иноязычных единиц и переводов. Такого рода тексты отличаются своими структурными особенностями и обладают рядом специфических лингвистических черт.

Говоря о лингвистических особенностях комментариев, необходимо прежде всего отметить уникальное сочетание элементов псковского диалекта и архаичных черт с заимствованиями из местного польско-белорусского говора, литовского и еврейского языков, что проявляется на всех языковых уровнях.

¹ С. Е. Никитина. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре. – Язык и личность. М., 1989.

² М. В. Китайгородская, Н. И. Розанова. Русский речевой портрет. М., 1995.

³ Л. Б. Савенкова. Слово как компонент пословицы. – Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии [Тез. докл. междунар. науч.-теорет. конф.]. Волгоград, 1996.

⁴ Г. Ф. Благова. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

⁵ Русские пословицы Литвы. – Сборник. Вильнюс, 1992.

⁶ Т. С. Гаврилова. Пословица и контекст (Собрание пословиц в самозаписи Е. И. Колесниковой). – Русский фольклор, т. 25. Л., 1989.

⁷ Н. А. Прокуровская. Город в зеркале своего языка: Основные компоненты устной городской речи. Ижевск, 1996.

⁸ Словарь русских народных говоров. М., 1965.

⁹ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999.

¹⁰ Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967.

¹¹ В. Н. Чекмонас. К социолингвистической характеристике старообрядческих говоров Литвы. – Языки диаспоры: Проблемы и перспективы. Тарту, 2000.